

0 734019 - |

На правах рукописи

ДОЛГАНОВ Дмитрий Александрович

**ГОГОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ
В ПОЭТИКЕ ПРОЗЫ М.М.ЗОЩЕНКО**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01. – русская литература

Самара 2001

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы
Самарского государственного педагогического университета

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор **В.И.Немцев.**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **С.М.Скибин;**
кандидат филологических наук, доцент **Л.И.Брянцева.**

Ведущая организация – Башкирский государственный
педагогический университет.

Защита диссертации состоится **21 ноября** 2001 г.
в **14** часов на заседании специализированного совета К 212.216.01
по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в
Самарском государственном педагогическом университете по адресу:
443010, г. Самара, ул. Л.Толстого, д. 47, ауд. 24.

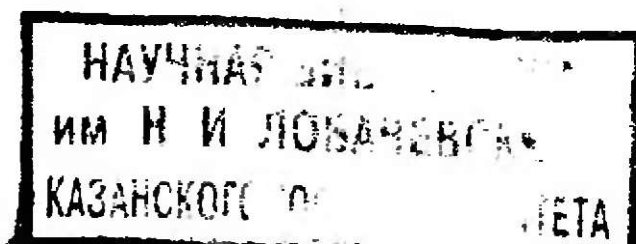
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Самарского
педагогического университета по адресу: 443099, г. Самара,
ул. М.Горького, 65/67.

Автореферат разослан **18 октября** 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

О.И.Сердюкова

Общая характеристика работы

Настоящая диссертация посвящена исследованию гоголевских традиций в поэтике прозы М.М.Зощенко.

Актуальность темы обусловлена необходимостью более тщательного рассмотрения поэтики, мировоззрения, сходных биографических данных Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко и уточнения устоявшихся в науке представлений о творчестве двух писателей. Проведённое исследование добавляет новые штрихи в изучение художественных миров М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная работа представляет собой попытку анализа литературных традиций Н.В.Гоголя в творчестве М.М.Зощенко, а также исследования философских и мифологических аспектов произведений художников.

Основная цель настоящего исследования – провести аналитическое сопоставление поэтики прозы Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко, выявляя характерные их особенности, сходство и отличие.

Достижение поставленных целей предполагает решение следующих задач:

- 1) обобщить мнения исследователей по поводу соотнесения творчества Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко;
- 2) расширить и углубить представление о способах и результатах творческого использования М.М.Зощенко гоголевской повествовательной традиции;
- 3) наметить основные тенденции эволюции сказовых форм в творчестве М.М.Зощенко в контексте традиции произведений Н.В.Гоголя, определить своеобразие авторской маски в его произведениях;
- 4) углубить научные представления об особенностях художественного использования элементов учений З.Фрейда и мифологического материала в произведениях М.М.Зощенко;
- 5) выявить особенности использования мифологии в поэтике Н.В.Гоголя.

В основу методологического подхода положены историко-генетический, сравнительно-типологический, биографический методы изучения художественных произведений. В работе применяется методика целостного анализа, позволяющая раскрыть содержательность формы, смысловую наполненность художественной структуры.

Теоретическую основу диссертации составили труды по методологии литературоведения и истории литературы: при обращении к сказовой манере письма использовались работы Б.М.Эйхенбаума, В.В.Виноградова, Ю.Н.Тынянова, М.М.Бахтина, Ю.В.Троицкого, а также современных исследователей Е.Г.Мущенко, В.П.Скобелева, Л.Е.Кройчика, М.О.Чудаковой, Б.М.Сарнова. При рассмотрении художественного использования теории З.Фрейда важное значение имеют работы И.Д.Ермакова, М.Н.Афасижева, Т.Ходжа, А.К.Жолковского, А.И.Иваницкого. При рассмотрении мифологического материала автор опирался на идеи А.Ф.Лосева, Е.М.Мелетинского, А.Терца – А.Синявского, В.Ш.Кривоноса.

Материалом исследования послужили прозаические произведения М.М.Зощенко (рассказы 1922-1929 годов, повести «Коза», «Аполлон и Тамара», «Страшная ночь», «Возвращенная молодость», «Перед восходом солнца») и Н.В.Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», поэма «Мертвые души»). В процессе работы также были исследованы источники, связанные с творчеством писателей обозначенного контекстного ряда (литературно-критические статьи, посвященные жизни и творчеству М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя, мемуары).

Теоретическая ценность работы заключается в том, что она углубляет представления о поэтике прозы М.М.Зощенко, обогащает восприятие художественного мира произведений Н.В.Гоголя и расширяет представления о значимости гоголевской литературной традиции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы могут быть использованы в дальнейшей разработке проблемы поэтики повествования в произведениях как М.М.Зощенко, так и Н.В.Гоголя. Результаты могут быть использованы в вузовском учебном процессе, лекционных курсах, спецкурсах и спецсеминарах по истории литературы XIX и XX веков.

Апробация работы проводилась на заседаниях кафедры русской литературы XX века и методики преподавания литературы и русской классической литературы СГПУ, на научных всероссийских конференциях «Христианство и культура» (Самара, 2000), «Взаимодействие русского фольклора и фольклора народов Российской Федерации (памяти Льва Григорьевича Барага)» – (Уфа, 2001); «Рус-

ский язык и литература: вопросы истории, современного состояния и методики их преподавания в вузе и школе» (Самара, 2001), а также на уроках русской литературы в Самарском областном многопрофильном лицее-интернате.

Положения, выносимые на защиту:

1. Традиция гоголевских литературных форм в творчестве М.М.Зощенко представляется как закономерное явление зощенковской поэтики, обусловленное мировоззренческой и литературно-эстетической позицией писателя.

2. Анализ литературного материала в плане рассмотрения проблемы психологии творчества (искренность в отношениях с читателем, желание посредством литературной деятельности улучшить себя, «смех сквозь слезы») показывает, что М.М.Зощенко и Н.В.Гоголь относятся к одному «типу» писателя.

3. Изучение языка художественных произведений М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя: разговорной речи различных сословий, материала пословиц, поговорок, загадок, народных песен позволяет констатировать сходство основного принципа освоения авторами подобного материала (оба писателя вводят просторечный говор в русло литературного языка).

4. В творчестве М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя осмыслены и отражены глубинные пласты человеческой психики, рассматриваемые учением З.Фрейда.

5. Используя в своем творчестве мифологический материал, М.М.Зощенко и Н.В.Гоголь опираются преимущественно на архетипические традиции.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний и библиографии.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, методологические основы, описывается структура и содержание работы, рассматривается история проблемы.

В первой главе («Особенности поэтики М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя: сопоставительный анализ») исследуются принципы поэтики двух писателей.

В параграфе «Повествовательная манера М.М.Зощенко в аспекте гоголевской традиции» говорится, что наиболее ярким и значимым из всех сравнений, которые можно встретить в критической литературе о М.М.Зощенко, является сравнение его с Н.В.Гоголем. Особенно наглядна связь с Н.В.Гоголем в рассказах М.М.Зощенко 1921-1922 годов: «Старуха Врангель», «Коза», «Любовь». Рассказ «Мадонна», написанный в форме дневника, фабульно и стилистически может быть соотнесен с «Записками сумасшедшего» и «Невским проспектом» Н.В.Гоголя. Исследователями обращается внимание на многоаспектность сравнения творчества двух писателей. Интерес к Н.В.Гоголю проявлял и сам М.М.Зощенко, соотносивший свое творчество с наследием писателя XIX века и сопоставлявший собственную личность с биографической личностью Н.В.Гоголя.

Уже с начала 20-х годов образ Н.В.Гоголя появляется в рабочих записях и письмах М.М.Зощенко, в статьях о писателях, на страницах его сатирических и «научно-художественных» произведений «Товарищ Гоголь», «Голубая книга», «Возвращенная молодость», «Перед восходом солнца». Однако М.М.Зощенко не ровнял себя с Н.В.Гоголем, речь идет лишь об общности взглядов на назначение литературы, близости художественной задачи, часто — о сатирическом способе ее разрешения.

Судьба Н.В.Гоголя рано начинает осознаваться М.М.Зощенко как прообраз его собственной судьбы, ее возможный вариант, приводятся слова самого М.М.Зощенко о том, как ему следует поступить, чтобы сделаться автором жизнерадостной положительной книги. В «научно-художественных» повестях М.М.Зощенко Н.В.Гоголь является самым близким автору персонажем из всей обширной галереи «великих людей», у которых М.М.Зощенко обнаруживает интересующие его симптомы душевного нездоровья. Даже симптомы гоголевской болезни и их интерпретация (а также способы излечения) часто совпадают в «научно-художественных» повестях с симптомами болезни самого автора, что еще раз подчеркивает, что судьба Н.В.Гоголя была наиболее близка судьбе М.М.Зощенко.

Писателя XX века не удовлетворяло отсутствие в его художественном мире «положительного», «здорового» начала, поиск которого связывается для М.М.Зощенко именно с образом Н.В.Гоголя, наделенного, подобно самому М.М.Зощенко, «особым зрением»,

обращенным на «отрицательный мир отрицательных персонажей». В Н.В.Гоголе М.М.Зощенко находит стремление к самоизменению, выражающееся как в жажде духовного и физического излечения, так и в настойчивых попытках создать «положительный тип», что воспринимается им как попытка исцеления.

В целом принимая гоголевскую задачу «оздоровления» себя и своего художественного мира, М.М.Зощенко идет по иному пути её решения, принципиально игнорируя гоголевские идеи «душевного дела» – духовного самосовершенствования писателя, которое, вероятно, осознавалось М.М.Зощенко как слишком иррациональный способ самоизлечения, противоречащий рационалистическому пафосу его «научно-художественных» повестей.

Факт «ученичества» у Н.В.Гоголя дважды признан М.М.Зощенко, – в 1930 и 1944 гг., и оценивался писателем как вовремя преодоленный соблазн подражания. Связь с Н.В.Гоголем осознается М.М.Зощенко не как какого-либо рода преемственность а скорее как типологическое сходство. Известен интерес М.М.Зощенко к «родовому» началу в человеке (то есть «архетипам»), которое и должно, по его мнению, быть предметом искусства. Сравнивая себя с Н.В.Гоголем, М.М.Зощенко тем самым относил себя к определенному личностному и писательскому типу. Считая себя сатириком, М.М.Зощенко помещает себя в «гоголевский» ряд, отрицая свою принадлежность к ряду «юмористов». Для М.М.Зощенко, как и для Н.В.Гоголя, был актуален мотив «серьезности большой темы», подчеркивается, что рассказы М.М.Зощенко являются реализацией серьезных, соотносимых по масштабу с гоголевскими, замыслов, которые представлены в «мелких и неуважаемых» жанрах, диктуемых современной писателю литературной практикой.

Сопоставление двух писателей не ограничивается личностной сферой, не являющейся определяющей для исследования. Связь Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко намного более глубока и неизбежно затрагивает повествовательную манеру двух художников, проблему их стиля. Сопоставительный анализ поэтики М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя поднимает проблему сходства отдельных элементов стиля двух писателей. При определении понятия «стиль» используются труды Б.В.Томашевского, В.В.Виноградова, В.В.Кожина, и др.

Обращается внимание на главные моменты художественной формы произведений Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко.

На примере отдельных произведений в диссертации рассматриваются ключевые особенности стиля Н.В.Гоголя, нашедшие отражение в стилевых призмах М.М.Зощенко: Н.В.Гоголь раскрыл в повестях «Вий» и «Страшная месть» в субъекте своем мир, совершенно подобный внешнему; Зощенко анализирует состояние собственной души, отразившей события внешнего мира («Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца»).

Общеизвестна скрытность, притворство, способность к различного рода мистификациям Н.В.Гоголя, но нельзя не отметить, что в своем творчестве он был предельно искренен, что наложило отпечаток и на его смех. Определенно — понятие искренности в творчестве можно в равной степени отнести и к особенностям творческой манеры М.М.Зощенко, для этого достаточно вспомнить стилевые особенности таких его «автобиографических» произведений, как «Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца».

При всей несуразности ситуаций, изображаемых в рассказах М.М.Зощенко, характерных «зощенковских словечках», призванных, казалось бы, привнести элемент комического в его произведения, у писателя явственно просматривается более глубокое проникновение в тему, чем у других писателей-юмористов того времени. Хотя нельзя отрицать, что главный материал для смеха М.М.Зощенко составляет быт, в котором буквально погрязли герои его рассказов, но подобные мелкие неурядицы вызывают у автора и его героев жестокие страдания, хотя и скрытые за смехом. Вновь невольно напрашивается параллель с таким «гоголевским» стилистическим приемом, как «смех сквозь слезы».

Смех М.М.Зощенко соотносится со смехом Н.В.Гоголя (ср. стихию смеха в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и повести М.М.Зощенко «Аполлон и Тамара»). В сопоставительном анализе рассказа М.М.Зощенко «Мудрость» и повестей Н.В.Гоголя «Шинель» и «Коляска» выявляется типологическая близость героев, параллели в развитии сюжетов, в стиле.

В новеллах М.М.Зощенко есть нечто такое, что выделяет его среди писателей-юмористов: таящаяся внутри смеха печаль, не только ироничная насмешка над ничтожными и жалкими людьми, но и некоторое сострадание к ним. Этот «смех сквозь слезы» выво-

дит писателя к высоким рубежам реалистической, гуманистической прозы. Повествование у него строится таким образом, что персонажи его новелл (включая рассказчика) воспринимаются не только как носители социального и нравственного уродства, но одновременно и как жертвы каких-то сложных исторических обстоятельств, которые оказываются сильнее их. За всеми его героями и окружающим их миром житейских мелочей, бытовых подробностей просматривается трагичность существования человека; сквозь, казалось бы, добродушный юмор автор едко иронизирует по поводу причин, породивших трагедию людей, вынужденных проживать в данной стране в данное время.

Творчество М.М.Зощенко только внешне похоже на комическую юмористику («Возвращенная молодость»). По существу же ирония М.М.Зощенко несет в себе философское содержание, автор философски переосмысляет действительность, пользуясь сатирическими средствами, что соотносится с гоголевской традицией, например, с особенностями художественной речи в повести «Шинель».

М.М.Зощенко разрабатывает гоголевскую традицию: он, как и Н.В.Гоголь, вводит в русскую литературу бесконечный ряд мещанских типов и высвечивает духовное убожество.

В параграфе «Сказовая манера в творчестве Н.В.Гоголя и М.Зощенко» исследуется проблема стиля писателей.

Художник прибегает к сказовой форме повествования не для того, чтобы раствориться в герое, а наоборот, — чтобы читатель мог ощутить обособленность и завершенность психологически мотивированного героя-рассказчика. А под термином «сказ» понимается тип повествования, строящегося как рассказ некоего отдаленного от автора лица, обладающего своеобразной речевой манерой, ориентированной на «своего» слушателя.

В своем творчестве Н.В.Гоголь синтезирует и творчески перерабатывает не только живую разговорную речь того или иного социального слоя, но также пользуется более древними пластами народной речи, отраженной в пословицах, пословичных выражениях, поговорках, анекдотах и т.п. Язык же М.М.Зощенко — это по большей части очень тонкая, с совершенным знанием оригинала, необыкновенно талантливая, но — имитация простой речи. Оба писателя переводили просторечный говор в русло литературного языка. Язык Н.В.Гоголя, впрочем, как и язык М.М.Зощенко, был собирательным,

он вобрал в себя все самое характерное, самое яркое из языка народа и в концентрированном виде вышел на страницы художественных литературных произведений.

Отзвук народного смеха слышится в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души» благодаря стилистическим средствам фольклорного происхождения. В тексте поэмы содержится значительный элемент сказа, в котором много родственного стилю народных сатирических сказок: рассказывается о героях и событиях, о которых повествуют народные рассказчики, художественно освещая происходящее с собственного, народного угла зрения.

В своем творчестве М.М.Зощенко, несомненно, разрабатывает ту же гоголевскую традицию. В свои произведения для раскрытия в них «народной этимологии» он вводит технические выражения, словесные штампы, часто помещенных вне контекста (газетные, жаргонные, песенные, иногда «сказочные» клише). М.М.Зощенко тоже часто прибегает к сказу, своеобразной разновидностью которого является комический сказ.

Сказ является оптимальным вариантом для изображения одного из центральных сатирических героев эпохи – обывателя, мещанина не столько по своему социальному положению (хотя герои новелл М.М.Зощенко чаще всего – обитатели слободы, мелкие ремесленники), сколько по духовному состоянию. Уровень духовности зощенковского героя крайне низок, его социальные интересы ограничены, в чем кроется сатирический парадокс новелл писателя – маленький мирок, в котором живет обыватель, воспринимается им как громадный мир. Быт, заполненный борьбой за существование, заменяет для него бытие, персонажи новелл М.М.Зощенко как бы находятся в постоянном состоянии самообороны от мира. Нелепый герой в нелепых обстоятельствах – так можно сформулировать концепцию героя в рассказах писателя.

В диссертации рассматривается комический сказ М.М.Зощенко как в русле стилевых исканий советской литературы 20-х годов, так и в соотношении с традициями русской сатирической прозы, реалистический принцип которой был сформулирован художественным гением Н.В.Гоголя. Рассматриваются особенности комического одностороннего и двустороннего сказа М.М.Зощенко, диалогические и монологические формы рассказа и повести, подчеркивает-

ся, что писателем делается намеренный акцент на характерности разговорной речи, её стилистических особенностях.

Герой-рассказчик в новеллах М.М.Зощенко откровенно оппозиционен автору и читателю. Но он стоит в оппозиции, как правило, и к окружающим его людям. Характерная для сказа ориентация на сочувственно настроенную аудиторию в данном случае как бы является последней попыткой рассказчика найти единомышленника, утвердить себя в собственной правоте.

В рассказе М.М.Зощенко «Черная магия» освещается образ рассказчика, «не умеющего» рассказывать, который то забегают вперед, то затягивает рассказ многословными, нередко беспомощными объяснениями. Это же наблюдается в «Шинели» Н.В.Гоголя, где бытовая речь действующих лиц, несущая черты сказовости, стилизована под особого рода небрежную, наивную болтовню или фамильярное многословие. Но у М.М.Зощенко «безличный» сказ уже не идет так слепо за всеми изгибами мысли рассказчика. Повествование в значительной степени освобождено от композиционно-речевых особенностей живой беседы. М.М.Зощенко стремился преодолеть традиционные беллетристические формы, он пробует найти новый способ повествования путем замены «шаблонных» и «устаревших» слов свежими.

В диссертации раскрываются особенности и роль смеха в рассказах М.М.Зощенко, отмечается, что гораздо интереснее не то, над чем смеется автор, а то, как он смеется. Им прекрасно усвоен мещанский и псевдомещанский словарь, которым он искусно оперирует, создавая «юмор языка», отмечается, что у М.М.Зощенко редки вещи, выстроенные целиком на комизме положения. Через своих персонажей автор говорит «псевдомещанской» речью.

Подобные приемы в творчестве М.М.Зощенко имеют свою традицию: в произведениях Н.В.Гоголя наличествуют «выразительные» средства «мимики смеха» и «комического сказа». Артикуляция с её акустическим эффектом выдвигается писателем на первый план как выразительный прием, отсюда многочисленные имена, иногда целые реестры имен, дублируемые персонажи, иностранные фамилии, каламбуры, используемые для создания комического эффекта, через амплифицированную речь, просторечную и грубую лексику. Отсюда явление звуковой семантики в языке Н.В.Гоголя: звуковая оболочка слова, его акустическая характеристика становятся в речи писателя

значимой независимо от логического или вещественного значения. Н.В.Гоголь использует также стилистические средства фольклорного происхождения.

В литературоведении актуальна проблема рассказчика; в диссертации рассматриваются характерные особенности литературной «маски» в произведениях Гоголя и Зощенко, отмечается, на что направлена ирония сатирика. На раннем этапе творчества М.М.Зощенко трудно разделить голоса героев и рассказчика: диалог передается теми же формами, что и речь рассказчика. Писатель не использует принцип прямой авторской оценки, предпочитая надеть маску обывателя. Поэтому возникает иллюзия некоторого параллелизма между линией поведения и отдельными рассуждениями рассказчика и личностью самого автора. Сходная картина отмечается и у Н.В.Гоголя, в творчестве которого уже с «Шинели» заметно размывание границ между автором и рассказчиком, а «Выбранные места» знаменуют дальнейшее смешение автора и персонажа-рассказчика.

Сказ у М.М.Зощенко направлен на изображение центрального сатирического героя эпохи — обывателя, мещанина не столько по своему социальному положению, сколько по духовному состоянию. Своими рассказами М.М.Зощенко как бы призывал не бороться с людьми-носителями обывательских и мещанских черт, а помогать им от этих черт избавляться. В этой позиции нельзя не заметить сходство с литературными исканиями и задачей Н.В.Гоголя, описывавшего мелкопоместную и мелкочиновную жизнь дореформенной поры с ее крайней узостью интересов, с ее дроблением общества на мелкие, замкнутые в себе мирки. Н.В.Гоголь подчеркивает, что для представителей этого мирка характерен недостаток идей и слабость умственного развития, бедность языка и неумение владеть речью. Чтобы наиболее ярко изобразить духовную убогость таких персонажей, Н.В.Гоголь пользуется амплификацией и умолчанием, фамильярным языком, погружая читателя в атмосферу косной патриархальной жизни.

За изображаемыми героями и комическим «автором» в произведениях М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя всегда стоит подлинный автор, который умно и тонко показывает свое отношение к изображаемому миру.

На примере рассказов и повести «Возвращенная молодость» рассматривается проблема автора. При этом подчеркивается, что в «Возвращенной молодости» мещанский герой перестает быть «ав-

торской маской», М.М.Зощенко подходит к задаче преодоления своего героя и характерного для его произведений «провинциализма» мировоззрения действующих лиц и материала прозы: менщанский герой вытесняется здесь самим автором.

Далее рассматривается повествовательная манера М.М.Зощенко, показывается, как используется писателем в ранних рассказах грубая лексика, ненормативная речь, которая используется в качестве характерной речи героев или экзотического рассказчика лишь на ранних порах. Отмечается, что уже с середины 1920-х годов характерная речь героев используется как элемент, дизорганизурующий непосредственно авторское повествование. Язык интеллигенции уступает место языку, бытующему в живой речи эпохи. Говорится о языке более поздних повестей с их диссонансным сочетанием «старого» слова, уже переставшего быть своим для читателя-современника, и «нового» слова, еще не ставшего своим для писателя, что неизменно приводит писателя к пародии.

В творчестве М.М.Зощенко господствует пародийное слово, но при этом пародийные цели постепенно оттесняются на задний план. Вернее, теперь пародируется не только «процитированное» слово или слово этого же ряда, но и противоположное ему, то, которое могло быть употреблено на этом месте, тот язык, на котором будто бы мысль автора могла быть изложена адекватно. Зощенко не ищет наилучших слов, а оспаривает саму возможность существования опирающейся на них художественной системы. Вперед выступает скептицизм автора по отношению ко всем словам, которые могли бы, в духе любой литературной и публицистической традиции, стоять на этом месте. Автор как бы уравнивает в правах все эти предполагаемые слова, ни на одном из них не настаивая. Он говорит очень серьезно и искренне, не рассчитывая «посмешить»; Зощенко берет недопустимую форму, примитивную мысль выражает в примитивной же форме, обнажая ее элементарность и схематичность.

Во второй главе исследования: «Философские и мифологические аспекты повествовательной структуры произведений М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя» уделено внимание философскому и мифологическому началам в творчестве художников (§ 1). В творчестве М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя нашли отражение глубинные пласты человеческой психики, что, в своё время, являлось предметом учения З.Фрейда. Теория Фрейда аккумулирует в себе знания, нако-

плеснущие в предыдущие эпохи, использует мифологический и литературный материал. В диссертации выявлены и рассмотрены отраженные в произведениях Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко наиболее характерные, сильные, глубокие комплексы, оказывающие тотальное, хотя и подспудное, давление на человеческую психику. Эти комплексы, наиболее ярко описанные в метapsихологии Фрейда, представляют своего рода «мифологию» человеческого существования на уровне детской и почти животной жизни. Задача исследования состоит не в простом сопоставлении отдельных элементов творчества М.М.Зощенко и тем более Н.В.Гоголя с теорией З.Фрейда, а в анализе изображаемого в произведениях М.М.Зощенко и Н.В.Гоголя внутреннего мира человека, что оправдывает использование фрейдистской терминологии.

Уделяется внимание вопросу, в какой мере учение З.Фрейда о подсознательных чувствах раннего детства, носящих сексуальный характер, перерабатываемых художником в образы-символы, может быть использовано для литературоведения. Психоаналитический метод дает возможность истолковать, раскрыть то подлинное, что скрывается за символическими знаками, прорывающимися в сознание из подсознания.

Приводятся многие свидетельства, в том числе самого Н.В.Гоголя, указывающие на интимные, «задушевные» мотивы его творчества, на то, что изображаемое писателем – его душа, а не внешний мир. В контексте теории З.Фрейда художественный мир Н.В.Гоголя вполне может рассматриваться как его душевная автобиография. Однако подчеркивается, что было бы неверно утверждать, что в своих произведениях писатель изображает преимущественно свой внутренний мир, не прибегая к изображению мира внешнего.

Н.В.Гоголь воспроизвел древнеславянскую и дославянскую картину мира, носящую в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» романтический характер, когда исходные мифологические узлы становились формой выражения нового содержания, которое выступает скрытой формой преобразования исходного, хотя более и не осознаваемого.

М.М.Зощенко творчески использовал в своих произведениях теорию З.Фрейда («эдинов комплекс», «комплекс Электры» и др.), глубинные слои человеческой психики. Писатель обращается к

двухчастной и трехчастной фрейдовской модели человеческой психики, используя понятия Эрос и Танатос и данный австрийским психологом анализ сновидений.

С точки зрения теории фрейдизма рассматривается в диссертации рассказ М.М.Зощенко «Аристократка», проводится аналогия «еда — секс», освещаются мотивы эдипова комплекса, кастрации, уделено внимание смеху как одному из механизмов сублимации подавляемых комплексов.

В произведениях Зощенко обнаруживается влияние наследия Ф.Ницше («Перед восходом солнца»): ницшеанское восприятие внутреннего мира человека, желание разумом отделаться от безумия. Несомненно сходство психоаналитических портретов М.Зощенко и Ф.Ницше, заключающееся, в том числе, в отождествлении себя с отцом. Связь повести М.М.Зощенко с отдельными моментами философского учения и биографии Ф.Ницше лишь дополняет уже нарисованную картину обращения русского писателя в своем творчестве к глубинным пластам человеческой психики.

В параграфе «Мифологическое начало в творчестве Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко» речь идет о роли мифа в культуре и преломлении его в творчестве Гоголя и Зощенко. Миф вообще предшествует литературе и во многом ее предопределяет. Для мифического сознания миф — самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие.

Н.В.Гоголь изображает колдовство, нечистую силу, приводит страшные сказки, смех как бы воссоздает новый образ, тем самым писателем конструируется свой особенный мир. Однако писатель наиболее часто обращается не столько к самому мифу в чистом виде, сколько к глубинным пластам народного мирознания. К «близнечным» мифам, несомненно, восходят парные персонажи у Гоголя: таковы дядя Митяй и дядя Миняй, Кифа Мокиевич и Мока Кифович, Фемистоклюс и Алкид, просто приятная дама и дама приятная во всех отношениях, сюда же относятся отец Карп и отец Поликарп (которые, как надеются наследники, будут хоронить Плюшкина). В диссертации освещаются факты обращения писателя к христианскому мифу, отраженному в Ветхом и Новом завете. Однако подчеркивается, что сюжет гоголевских произведений никогда целиком не соотносится с мифом, сказкой или преданием, писатель

отбирает только те детали, которые необходимы для его замысла и помогают характеристике образов.

Отмечаются некоторые архетипические традиции в творчестве Н.В.Гоголя, используя которые, писатель раскрывал не только особенности массового сознания и мировосприятия народа, но и описывал собственную душу (бессознательный момент и глубины коллективно-бессознательного отражаются в механизме и объектах собственного воображения писателя). Гоголь непосредственно обращается к фольклору, к мифу, героическому эпосу, что приблизило его к исходным архетипическим традициям – в том числе фантастико-мифологическим и разнообразным фольклорным элементам, восходящим к ним (сказка, быличка, легенда). Выделяются некоторые обороты народной поэзии: оборот тавтологии, фигура лирического отступления, лирических обращений автора к героям, эпическое сравнение, периодическое сравнение.

Н.В.Гоголь использовал в своих произведениях переводной сборник «Великое зеркало», древнерусское «Слово», летописное «Поучение о казнях Божиих»; в развитии сюжетной судьбы Чичикова угадывается житийная традиция. Однако каноническая средневековая схема претерпевает у писателя значительную трансформацию, подвергается травестированию, что связано с использованием элементов плутовского романа. Представляется, что в биографии главного героя поэмы Н.В.Гоголя больше черт, присущих герою плутовского романа, нежели герою библейского сюжета: это и неразрывно связанный с плутом образ дороги, и присутствие «юридического элемента», и неизменная изворотливость и лукавство героя.

Не принимая мифему «Чичиков-Антихрист» (предложенную А.Х.Гольденбергом и С.А.Гончаровым), диссертант полагает, что со всей определенностью можно говорить лишь об отдельных сходных чертах: будь то сюжетные ходы, элементы поведения или какие-то внутренние качества героя. Дегероизация зла происходит благодаря отождествлению плута с дьяволом. Специфику трансформации кризисной схемы и преображения Чичикова проясняет и одновременно осложняет символический лейтмотив, связанный с притчей о блудном сыне. Таким образом, преломленная агиографическая традиция вносит универализирующее начало в сюжетное повествование «Мертвых душ», накапливая огромный символический потенциал. Гоголевская символика опирается на древние традиции.

Н.В.Гоголь, создавая «Мертвые души», легко владел приемами сказочного повествования (например, гиперболизация персонажей). Народная сказка оказала воздействие на развитие сатирического таланта писателя.

В русской классической литературе трудно найти другое произведение, которое было бы так насыщено пословицами и поговорками, как «Мертвые души». Сам Н.В.Гоголь считал пословицы особо ценным материалом для познания характера и образа мыслей народа. Пословицы для него — обобщенный опыт народа, вывод из всех его жизненных наблюдений. Велико значение и влияние пословиц и поговорок на художественную структуру поэмы «Мертвые души». В русских пословицах и поговорках наиболее полно выразились важнейшие особенности русского национального характера, человеческие качества, одобряемые народом или отвергаемые им. «Пословиичный» способ обобщения стал одним из важнейших принципов художественной типизации в «Мертвых душах». Разворачивая традиционные народнопоэтические формулы в образные картины и характеристики персонажей, автор раскрывает сущность того или иного явления, ситуации, характера.

Обращаясь к мифологическим началам в творчестве М.М.Зощенко, диссертант подчеркивает, что у писателя XX века также не наблюдается яркого обращения к мифу в чистом виде. М.М.Зощенко, в отличие от Н.В.Гоголя, не рассматривал литературную деятельность как род общественного служения, он по большей части устремлен в своем творчестве не столько вовне, сколько внутрь (причем не столько человеческой души, человеческого существа вообще, сколько вполне определенного индивида — самого себя).

Среди русских писателей, склонных рассматривать литературную деятельность *вообще* как род общественного служения, Н.В.Гоголь выделялся чрезвычайно *конкретным*, практическим вниканием в дела государства и общества, которым намеревался служить.

У М.М.Зощенко человек (читай — сам Зощенко) хочет защитить себя от «первообразов страха», которые по своему значению тождественны понятию «мифология» человеческого существования на уровне детской, животной жизни. Различно также и отношение писателей к мифу, инвариантные воплощения которого нашли отражение в их произведениях. Н.В.Гоголь, в основном, в сатирическом

ключе перерабатывает подобный материал, он смело травестирует житийную традицию, проводит зримые параллели между мошенником Павлом Чичиковым и библейским героем апостолом Павлом, уподобляет отдельных героев поэмы «Мертвые души» животным... В его произведениях практически отсутствует сакральное отношение к мифологическому началу, которое, подчеркнем еще раз, используется лишь в сатирическом ключе. В произведениях М.М.Зощенко, напротив, мы находим диаметрально противоположное отношение к мифу. Это происходит потому, что писатель в своих произведениях пытался применять «архетипы» на самого себя, то есть, применив фрейдовскую абреакцию, рассказав о своих внутренних психологических комплексах читателю, надеялся найти исцеление. Поэтому не случайно свою повесть «Перед восходом солнца» он называл «лечебником».

Человек, в понимании М.М.Зощенко, всю жизнь ищет, как убежать или как защитить себя от неведомой опасности. Опасность же чаще всего исходит от бессознательных «первообразов страха», которые могут дополняться и осложняться другими факторами, идущими уже от его социального бытия, но которые в основе представляют своего рода «мифологию» человеческого существования на уровне детской и почти животной жизни. М.М.Зощенко считал, что писатель должен описывать в человеке не только личное, но и «родовое», то, что в его психике отложила история.

В повести «Коза», очерках «Умирает старик», «Хлеб» (из повести «Перед восходом солнца») показываются бессознательные «первообразы страха», дополняемые факторами, идущими от социального бытия. Они представляют «мифологию» человеческого существования: личное и родовое в человеке. Описываются некоторые из многочисленных фобий самого М.М.Зощенко: отношение к женщинам вообще и к матери в частности, фобии, связанные с едой и водой, страх перед нищими, многочисленные мотивы преследования, а также некоторые мифологические аллюзии в повести «Аполлон и Тамара» и дополняющая нарисованную картину философская идея непрочности бытия в повести «Страшная ночь».

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы. Также намечаются дальнейшие пути анализа творчества Н.В.Гоголя и М.М.Зощенко в контексте рассмотрения повествовательной манеры писателей.

Основные положения работы отражены в публикациях:

1. Мифологические начала в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души» // Христианство и культура: Материалы конференций, посвященных 2000-летию Христианства. Самара, 2000. С. 73-78. (0,4 п.л.)

2. О мифологических началах в творчестве Н.Гоголя и М.Зощенко // Фольклор народов России: Межвузовский научный сборник. Уфа, 2001. С. 204-210. (0,4 п.л.)

3. Об отдельных элементах теории З.Фрейда в творчестве М.М.Зощенко // Русский язык и литература: вопросы истории, современного состояния и методики их преподавания в вузе и школе: Общероссийская научная конференция языковедов России. В 3-х частях. Ч. 3. Самара, 2001. С. 157-162. (0,4 п.л.)

4. Парафразы и реминисценции из древнерусской литературы в поэме Н.В.Гоголя «Мертвые души» // hclub.cluster.sgu.ru. Электронный журнал Саратовского государственного университета «Гуманитарный клуб». (0,5 п.л.)